

«Книжное обозрение»

ПЯТЬ ЛЕТ тому назад — 23 сентября 1973 года — не стало Пабло Неруды, выдающегося чилийского поэта-коммуниста, лауреата Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и Нобелевской премии по литературе. Но книги его живут и борются. Многие из них издаются и в нашей стране. Издаются в хорошем художественном оформлении и на высоком полиграфическом уровне. «Ода типографии», к примеру, выпущенная издательством «Книга», удостоена на днях Золотой медали на Международной выставке «Самая красивая книга в мире» в Лейпциге. Совсем недавно вышел первый том четырехтомного собрания сочинений Пабло Неруды, а вскоре Политиздат выпустил книгу его воспоминаний «Признаюсь: я жил». Она

завершена писателем в последние месяцы его жизни. Прикованный к постели неизлечимой болезнью, он диктовал эту книгу секретарю, просматривал записи и вносил необходимые поправки. Работа над книгой не прекращалась почти до самой смерти Неруды: последние страницы, посвященные Сальвадору Альенде и клеймящие позором его убийц, продиктованы уже в середине сентября 1973 года. Издана книга в переводе с испанского Л. Синявской и Э. Брагинской. Стихотворение «Иди со мной» — в переводе П. Грушко. Общая редакция перевода С. Шмидт.

Книгу Пабло Неруды «Признаюсь: я жил» представляет читателям лауреат Ленинской премии Герой Социалистического Труда

Константин СИМОНОВ

КОГДА открываешь книгу воспоминаний Пабло Неруды, первое, что ошатавливает твоё внимание на первой же её странице, это сам заголовок, простой и глубокий, горький и гордый, — «Признаюсь: я жил».

Начиная работу над этой главной книгой своей прозы, Неруда не знал еще ни того, что оставшиеся ему годы и месяцы уже сочтены; ни того, что на самые последние недели и дни его жизни придется трагедия его Чили; ни того, что каждый из этих последних дней окажется для него вдвойне трагическим — и от боли за свой распятый фашизмом народ, и от сознания, что, несмотря на всю силу своей веры в будущее, несмотря на всю свою непримиримость перед лицом случившегося, он сам, поэт Пабло Неруда, смертельно больной человек, уже никогда своими глазами не увидит обратного хода событий, не увидит возвращения того, во имя чего он жил и писал.

Ощущение горечи этого названия последней, посмертно опубликованной книги Неруды, конечно, обостряется для нас знанием того, какой камень на сердце лежал у великого поэта в его предсмертные часы. Но под сознаваемой нами горечью этого названия, под ее лепломо лежат и другие, более глубокие пласты, связанные с понятиями гордости и бесстрашной готовности человека отвечать перед любым нравственным судом не только за свои поступки и книги, не только за свою жизнь, но и за правоту того дела, во имя которого была прожита эта жизнь и написаны эти книги.

Да, я не боюсь суда своих читателей, ни современников, ни их потомков, я готов отвечать перед ними за то, как я жил, и за то, что я

делал, — как бы говорит Неруда названием своей книги.

В этой автобиографической книге, повествующей о целой жизни человека, от рубежей детства и до рубежей старости, многое меняется вместе с самой жизнью, полной бурь — личных и политических, путешествий, опасностей, страстей, притяжений и отталкиваний, надежд и разочарований, борьбы с другими и с самим собой, сражений с людьми и с обстоятельствами. Но главное, что выносишь из этой книги, — сознание мощи таланта и силы характера того человека, который пишет в ней о себе. И, наверное, эта сила характера, прежде всего именно сила характера, сделала эту книгу такой открытой и такой неуклончивой даже на самых трудных поворотах истории.

Читая эту книгу, я много раз ловил себя на том, что как бы внутренне сверяю того человека, которого я знал на протяжении долгих лет, с тем человеком, который рассказывает о себе в этой книге.

Он был человеком прочных взглядов на прошлое, настоящее и будущее человечества, на людей труда и людей наживы, на мир и на войну, на друзей и врагов.

Он боролся за дело, в которое верил, а верил он в коммунизм. Он много думал и немало страдал; радовался победам, сердился на ошибки и несовершенства; без колебаний говорил неприятную правду в глаза и стойко во все времена презирал ренегатов, особенно тех из них, кто, предавая, искал всеобщего сочувствия и публично драл на себе рубашки, предпочтительно на страницах буржуазной печати.

Таким я помню его — человеком политики и челове-

ком долга, не искавшим для себя легких путей, искавшим верных.

В Неруде жила непоколебимая вера в будущее. И это настолько же важно, насколько неотделимо от нашего представления о Неруде как о человеке, как о по-

ТАКИМ

литике, как о поэте. Устойчивость этого представления подтверждена всей его жизнью и всеми его стихами. При всем огромном богатстве и многообразии его поэзии подтверждение этой душевной твердости, этого устойчивого взгляда на будущее человечества можно найти, заглянув в каждую из его книг, будь то «Испания в сердце» или «Песнь любви Сталину», будь то «Всеобщая песнь» или «Птицы Чили», или «Четыре времени сердца».

Как и у каждого из друзей Неруды, сейчас, когда его нет, у меня одна за другой встают в памяти и встречи с его поэзией, и встречи с ним самим. Их было много, этих встреч, начиная с той первой, в 1949 году, когда он впервые приехал к нам в Москву на столятидесятилетний юбилей Пушкина. За год до этого публично, в печати, отхлестав за подлость и предательство тогдашнего чилийского диктатора Виделу, Неруда ушел в подполье и, пренебрегая всеми опасностями, сначала работал там,

в подполье, а потом нелегально перебрался из Чили в Европу.

В Москву на юбилей Пушкина приехал не только один из величайших современных поэтов Латинской Америки — приехал человек храбрый и стойкий, наделенный, кроме дара поэзии, не менее драгоценным даром прагматического мужества. Таким мы впервые встретили Неруду, таким он оставался в нашем сознании все эти годы, таким ушел из жизни.

Повторяю, вспоминается многое. Вспоминается Неруда-тогда, когда он у тебя в доме, и Неруда-хозяин, когда ты у него в доме, там, в Чили, в двух шагах от океана. Вспоминается Неруда, меняющийся в знак братства рубашками, и Неруда, читающий стихи, и Неруда, слушающий стихи, и Неруда, пьющий красное грузинское

ве перейти в разговоре к самым серьезным вещам, не откладывая этого ни на минуту. И сколько бы ни шутил на моей памяти Неруда, в моем ощущении где-то очень глубоко внутри он всегда оставался серьезен и даже чуть-чуть печален.

Я хорошо помню один, теперь уже давний день, когда между ним, мною и Романом Карменом зашел разговор о гражданской войне в Испании. Неруда вспоминал, как ему после падения республики, используя свои литературные и дипломатические связи, удалось помочь переправить в Латинскую Америку несколько тысяч испанцев, которых, не удайся это, ждала бы несравненно худшая судьба. Для того времени это была трудная победа, потребовавшая от него и огромных усилий, и не малого мужества. И я хоро-

шевной чистоты, я вовсе не хочу представлять его безгрешным ангелом, неспособным на субъективные пристрастия и несправедливые или не вполне справедливые оценки событий и людей, в особенности людей. Таким ангелом он не был и не мог быть, и, наверное, сам отнесясь бы с иронией к такому слишком идеальному представлению о себе. Многие из его высказываний о людях, с которыми он встречался, несомненно, требуют к себе критического отношения, да и судя по духу и тексту его книги, вовсе не претендуют на то, чтобы считаться истинной в последней инстанции.

Другое дело, что выраженные им взгляды на людей и события неизменно искренни и лишены какого бы то ни было привкуса как показной конъюнктурной смелости, так и тайной и тоже конъюнктурной осторожности. Неруде чужды сознательные преувеличения или преуменьшения, но ему чужда и оглядка на то, как могут отнестись другие к его собственным представлениям о людях, которых он встретил в истории.

Он сам, Неруда, был частицей этой истории и по своему смотрел на других людей, на другие частицы этой истории, и, думаю, прекрасно сознавая при этом, что ни он, ни они — это еще не вся история и что его собственная правда о них есть лишь честные показания одного из свидетелей перед судом истории, а не приговор этого суда.

Во всяком случае именно так выглядят в моем сознании некоторые, не бесспорные для меня, места этой книги, в особенности те, где идет речь о людях, с которыми я тоже встречался и о которых у меня сложилось собственное представление, в чем-то отличное от сложившегося у Неруды.

Однако самое главное в этой книге Неруды для меня бесспорно — это проходящая через нее насквозь гордая, глубокая, бескомпромиссная вера в дело коммунизма и столь же глубокая и бескомпромиссная ненависть ко всему тому, что сознательно противостоит и беспощадно борется с этой великой идеей, служению которой Неруда отдал себя без остатка.

Печатается с некоторыми сокращениями.

Я ПОМНЮ ЕГО

вино, которое он любил, и Неруда, очень серьезно и в то же время чуть-чуть лукаво разговаривающий с детьми и терпеливо ожидающий, когда они рассмеются, поняв его переведенную на русский язык шутку, такую смешную и при этом сказанную с таким серьезным лицом.

Он мог сначала шутливо предложить встретиться «где-нибудь поближе от моего дома и подальше от атомной бомбы», а потом во время этой встречи говорить долго и серьезно как раз о том, от чего хотелось бы быть подальше, — об атомной бомбе и о том, что же все-таки нам, людям, следует сделать, чтобы она больше ни разу не упала ни на чью голову.

Он обладал той глубиной и цельностью натуры, при которой человека не заботит мгновенность перехода от самого серьезного и даже трагичного, — к улыбке, к шутке, к иронии. Он шутил гораздо чаще, чем улыбался, но при этом в нем присутствовала удивительная способность буквально на полусло-

во помню, что говорил он об этой своей победе с затаенной печалью в глазах, ибо ему хотелось сделать намного больше, чем он смог.

Я не собираюсь останавливаться на различных подробностях этой книги, касающихся множества людей и событий. Несомненно, что в книгах такого рода иные из этих подробностей нуждаются в объяснениях, а порой и в уточнениях, которые читатель найдет там, где им и положено быть, — в комментариях к тексту.

Хочу лишь наперед сказать читателю, открывающему эту книгу, о тех местах ее, которые могут показаться спорными ему, а порой кажутся отнюдь не бесспорными и мне. Чаще всего это относится к оценкам различных событий в истории общества и в истории литературы и искусства и тех исторических личностей, а также писателей и людей искусства, с которыми судьба сводила Неруду в разные времена его жизни.

При том, что сам Неруда был человеком большой духовной силы и большой ду-